

ИЩЕ

александра
яковлева

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я47

Яковлева, Александра Геннадьевна.

Я47   Иные / Александра Яковлева. — Москва : Эксмо, Бук-
мейт, 2023. — 448 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-191178-2

У Ани есть сверхспособность, которую она не умеет контролировать: силой голоса девушка может разрушить все вокруг. За окном 1940 год. Аня живет в Ленинграде вместе со старшим братом Петей. Испутившись, что он погибнет в аварии, Аня кричит — и отбрасывает грузовик и трамвай. Разбита мостовая, ранены пешеходы, всюду кровь.

Вскоре девушкой начинают интересоваться органы госбезопасности, а еще — загадочный иностранец с рукой в механической перчатке. Ане придется бежать как можно дальше. Удастся ли ей сохранить свободу? Есть ли в мире те, кто будет готов ее защитить и понять или даже окажется похожим на нее?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191178-2

© Яковлева А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

Снег искрился на солнце, по-зимнему слабым, коротком. За несколько светлых часов нужно было успеть много: и матери помочь по хозяйству, и проверить в лесу силки. Пекка, самый старший из деревенских ребят, уже кричал на всю округу, собирая мальчишек, с которыми несколько дней назад ставил растяжки. Уговор оставался прежним: кому что ни попадется — всё делим пополам. Дюргий наскоро дочистил хлев и, бросив как попало инструмент, на бегу нахлобучил старую отцовскую шапку, подхватил снегоступы.

Младшая сестра Пекки, Анники, тоже зачем-то увязалась в лес. Она путалась в слишком большом для нее тулупе, едва попевала за другими, но уверенно шла на своих детских снегоступах, хоть и самой последней. Прокладывая тропу по замерзшему озеру, Пекка то и дело покрикивал:

— Не отстаем, малышня! Дюрга, гляди там за Анни хорошенько!

Тогда Дюргий стал глядеть хорошенько, да так, что Анники быстро набрала снегу за шиворот и в валенки, а щеки у нее покраснелись от мороза и смеха. Дюргий еще подначивал:

— Вот и чего не сидится у печки? Не женское ведь дело — за зверем ходить. Вся твоя наука в доме.

— Хочу и хожу! — отбивалась Анники, закидывая его снежками. — Пекка, скажи ему!

Но Пекка, тропивший путь, не обращал внимания на их возню. И Дюргий, весь в снежном крошewe, безнаказанно скакал вокруг Анники зайцем-беляком, сам едва понимая, что с ним такое происходит. Хотелось смешить соседскую девчонку и валять в снегу — чтобы в другой раз подумала, как ходить с ним, Дюргием, на промысел. Подумала — и, может быть, снова пошла бы.

— Да ты, наверное, просто влюбилась в кого-то из нас, вот и потащилась! — дразнился он. — Или ждешь заморского принца?

— А вот и жду! — выпалила Анники, бросая в Дюргия новый снежок. И добавила, совсем как взрослая: — Все равно тут не в кого влюбляться.

Дюргий посмеялся, но только чтобы не выдать себя перед девчонкой. Острая обида занозой засела где-то под ребрами. Он припустил за остальными мальчишками так, что Анники едва поспевала. Дюргий даже немного позлорадствовал про себя. Конечно, в любви эта пигалица совсем ничего не понимала. Другое дело — Колгана, ее мать. Еще не старая и красивая, она потеряла мужа на войне и до сих пор ходила по деревне во вдовьем платке. Вот она, наверное, кое-что важное знала про любовь. А Анники просто за ней повторяет. Этим Дюргий и утешался.

Вскоре он заметил, что один снегоступ у Анники разболтан: ей то и дело приходилось останавливаться, чтобы поправить крепеж. А тут еще Пекка крикнул:

— Ну, чего тащитесь?

Пришлось оставить на время обиды и вернуться за Анники. Присев рядом, Дюргий поставил ее ногу себе на колено и подтянул ремень как следует.

ПРОЛОГ

— У тебя полозья треснули, ты знаешь? — сказал озабоченно. — Занеси потом моему отцу, он посмотрит.

Анники покачала головой:

— Пекка сам все починит, я ему скажу.

Когда вошли под темные со снежной проседью сосны, Анники остановилась, запрокинув голову и сдвинув со лба пуховый платок. Дюргий тоже замер, уставившись в прозрачно-голубое зимнее небо. В высоких кронах пели, переливаясь колокольчиками, птицы.

— Знаешь, кто поет? — спросила Анники и тут же сама ответила: — Это вот синица, а там — слышишь? Оляпка.

Она накрыла нос красной варежкой, чтобы немного согреть. Пар, прорываясь влажными облачками, устремлялся вверх, и Дюргий, слушая звонкую птичью ругань, любовался тем, как он клубится на морозе.

— Анники, Дюрга, — позвал Пекка издали, — не отставайте!

Но тут же гаркнул не своим голосом:

— Не подходить!

Конечно же, все побежали — и Анники тоже, скрипя треснувшими полозьями и теряя снегоступы.

Пекка стоял на полянке, напряженный, словно готовый к бою, и пристально следил за густым ельником. Силки были пусты, но капли крови на снегу говорили о том, что кто-то все-таки попался — вот только стал чужой добычей.

Из ельника на детей глядела стая волков, по-зимнему голодных — один маленький зверек их только раздражил. Молодые стали окружать Пекку, а вожак пошел прямо на него. Черная волчья губа подрагивала, обнажая клыки. Пекка замахнулся веткой, которую где-то подобрал, но ветка была короткая и нестрашная, так что волк не отступил. Для сильного зверя человеческий детеныш — легкая

добыча, так всегда говорил отец Дюргия. Легче, чем загнать зайца или повалить оленя.

Мягко и бесшумно волк прыгнул с места, целясь Пекке в лицо. Дюргий ничего не успел сделать — да и не смог бы. Единственное, что получилось, — перехватить Анники, которая бросилась на помощь брату.

Анники завизжала, выбиваясь, и от этого визга Дюргию заложило уши. Казалось, в голове звенят тысячи маленьких птиц-колокольчиков.

Воздух вокруг задрожал, поплыл волной. Волна превратилась в ветер — и ударила с такой силой, что сбила с ног и Дюргия, и остальных мальчишек. Выпустив Анники из рук, Дюргий взмыл в воздух, ударился спиной о ствол дерева — и упал лицом прямо в сухостой. Одна торчащая из снега ветка оказалась с острой, обломанной вершиной. Щеку хлестнуло ослепительной болью — Дюргий взвыл, чувствуя, как по шее бежит горячее. Упав лицом в снег, он нагреб побольше на рану, чтобы остановить кровь и унять боль. Щеку дергало, глаз начал потихоньку заплывать, но все еще хорошо видел — значит, не пострадал. Что это было? Взрывчатка? От отца Дюргий слышал, что после войны кое-где находили припрятанный динамит. Но не в их краях, не в лесу около родной деревни!

Едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, Дюргий приподнялся. О себе он почти не думал — только об Анники. Как она? Жива ли? Он боялся увидеть самое страшное. Но первое, что бросилось в глаза, — волки.

Словно невидимая рука великана разметала стаю во все стороны — их мягкие меховые тела, раздавленные, переломанные, недвижно лежали под деревьями. Сосны вокруг поляны согнуло, как после урагана, и снег, осыпавшись с ветвей, припорошил и волков, и брызги крови на снегу.

ПРОЛОГ

Все выглядело так, будто произошло давным-давно. Будто волки сами умерли — или просто уснули колдовским сном.

Анники была жива. Она стояла на коленях посреди поляны, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Рядом с ней на снегу лежал Пекка, смотрел в небо широко распахнутыми глазами. Крепко стискивая руку брата, Анники плакала навзрыд.

— Пекка! — звала она. — Пекка-а-а! Это не я! Я не хотела...

Остальные ребята понемногу приходили в себя, только Пекка не шевелился. Кое-как поднявшись, залепив рану снегом, Дюргий бросился за помощью. Где-то тут, неподалеку, работал его отец. Оставалось только добежать, успеть — и Дюргий бежал, проваливаясь по колено в снег, запинаясь о коряги и пни. Он летел через лес напрямик, одному ему известной дорогой.

Вот уже совсем близко стучат топоры, визжат пилы, кто-то даже поет для бодрости. Выкатившись на вырубку, в распахнутом тулупе, весь окровавленный, Дюргий со всего маху налетел на отца. Тот как раз тащил охапку смолистых чурбаков. Увидав сына, охнул, разом уронил всю вязанку.

— Дюрга! Что ты?..

— Волки! — только и смог выдохнуть Дюргий. От быстрого бега все слова, казалось, растерялись по дороге. — Там... волков...

— Да ты толком говори! — потребовал отец.

Под его строгим взглядом Дюргий собрался и кое-как объяснил:

— Там... Анники волков... заморила... и Пекку...

Больше отец ничего не спрашивал. Кликнув мужиков и подхватив сына, резво побежал по его следам. Обратный путь показался Дюргию вечностью. Когда они наконец вы-

И Н Ы Е

скачили на поляну, многое изменилось, лишь мертвых волков все так же заносило поземкой.

Мальчишки окончательно оправились и струдились вместе под раскидистой сосной — все, кроме Пекки. Тот лежал на прежнем месте, раскинув в стороны руки. Из рта поднимался живой теплый пар, а губы дрожали. Увидев, что Пекка живой, Дюргий вскрикнул от радости. Но почти сразу понял, что Пекка плачет. Дюргий никогда не видел, чтобы он плакал, разве что когда был совсем маленьким. Анники лежала рядом с ним, почему-то ничком. Расщепленный снегоступ до сих пор цеплялся за ее валенок. Дюргий застыл, не в силах подойти — и узнать наверняка, что с ней не так.

Вместо него к детям Колганы шагнул отец. Мельком взглянув на Пекку, он нагнулся над Анники, осторожно перевернул ее. Потом взял на руки, словно тряпичную куклу. Рука в красной варежке свесилась и замаячила гроздью переспевших ягод. Дюргий встретился с отцом глазами, и тот покачал головой.

Рану на щеке обожгло, зашипало. Теплая кровь, едва схватившаяся от холода, снова потекла, но теперь впере-мешку со слезами. Все синицы и оляпки, вспугнутые, давно улетели, и на притихшей поляне его всхлипы было слышно слишком хорошо.

В лесу остались только вороны. Расправив крылья, они молча кружили над их головами, опускаясь все ниже и ниже.

АНЯ

Воздух в цеху дрожал и плавился, в нем стояла удушливая банная взвесь. Но даже окна не открыть — от жары, навалившейся на Ленинград в июле 1940 года, спасения не было нигде. Аня вдела нитку с пятой попытки, протянула, заправила за лапку. Качнула правой ногой — ее машинка «Зингер» с выгнутой черной спиной застрекотала, влилась в общий цеховой стрекот. Этот звук убаюкивал. Прикрыв глаза, Аня воображала, будто сидит на цветущем лугу, полном кузнечиков. В паровом мареве цеха алые косынки других швей, закройщиц, гладильщиц казались венчиками цветов. Жара придавливала широкой ладонью, и Ане хотелось спать, но спать было нельзя. В летний знойный полдень над полями и дугами носится огненный змей, затмевающий крыльями небо. Уснешь — змей унесет, и поминай как звали...

Теплая капля скатилась по коже, пропитала рабочий халат, и Аня, очнувшись, задержала ногу. Вовремя! Еще чуточку — и прошила бы себе палец. Строчка кривой волной уползла влево. Аня огляделась: не видит ли кто ее ошибку? — и сразу почувствовала, как Лидочка Прилучная за ее спиной крикнет такую же, как строчка, ухмылку.

Гладильщицы в цеху поддали пару, глаза зашипало от жары и пота. Аня сдернула косынку, вытерла ею лицо. По-

дышала чуть-чуть в белую хлопковую ткань, за полдня работы пропахшую потом и машинным маслом. Перевязала по новой, ту же — так, что сдавило виски. В голове сразу прояснилось. Жаль, не открыть эти огромные многометровые окна, чтобы ветер с реки приносил прохладу. Фабрика в ударном режиме отшивала осеннюю коллекцию из итальянских тканей, а уличная грязь плохо сочеталась с таким роскошеством.

Аня работала здесь всего несколько месяцев, и бригадирша поставила ее на самые простые модели, для внутреннего рынка, и то из жалости. Она, конечно, не говорила этого вслух, но Аня чувствовала отношение: «Не такая уж ты хорошая швея. По прямой прострочить, пуговицу пришить — вот и все твое мастерство». Аня и сама это знала.

По-настоящему хорошей швеей, искусницей, слыла ее мама. Но о маме — Анники, милая Анники, — о маме мы не будем вспоминать, потому что когда ты о ней вспоминаешь, тебе становится хуже, Анники, и ты себя не контролируешь. Хватит и того, что вспомнился летний дуг за родной деревней и сказка про змея. А про белую мягкую руку, что ловко орудует иглой, про мамину руку даже думать не смей. Ниточка у мамы всегда короткая, а линия жизни на ладони — долгая. Говорила, что с иглой родилась, а умрет старенькой-престаренькой.

Враки это все про линию жизни, бабкино колдовство.

Аня взялась за распарыватель, подцепила и потянула нитку кривой строчки. Если снять нитку аккуратно, не повредив ткань, а потом перестрочить как полагается, то и незаметно будет. У Ани в работе был обыкновенный ситчик, ноский и надежный, в мелкий цветочек. Главное, чтобы честная комсомолка Лидочка ее не выдала.

Аня бросила быстрый взгляд из-под платка: Лидочка стрекотала себе с непроницаемым лицом и больше не кри-

вилась. У Лидочки были куда более сложные, дорогие ткани. Одни красиво переливались, но сыпались на срезе. Другие походили на струистые призрачные покровы, и даже свет, проходя сквозь них, становился приглушенным и теплым, как в газовом фонаре. Изделия из таких тканей шили на экспорт, для жен каких-нибудь заграничных профессоров и комиссаров. Наверняка там тоже есть комиссары, а у них, конечно, жены.

Однажды, глядя на платья и блузки, которые получаются у Лидочки, Аня спросила, хотела бы она сама носить такое. Лидочка тогда сказала: «Чтобы такое носить, нельзя трудиться. А это, Анютка, еще уметь надо — не трудиться. Это такая хитрая наука, что нашей рабоче-крестьянской сестре негде ее изучить. Да и не для чего! Вот ситец, хлопок — это нам подходящее».

Аня начала заново: нитка, нога на «качельку», поворот чугунного колеса — и тянется из-под лапки ровная дорожка. По словам Лидочки выходило так, что сама она шила бесполезное, но красивое, зато Аня — простое и нужное. Аню это устраивало и утешало: работая маленьким винтиком в огромном швейном цеху, можно было сколько угодно притворяться нормальной. Жить самой обычной жизнью и не вспоминать о прошлом — о маме, о волках.

— Да что ж это!..

По ноге хлестнуло, обожгло кожу. Аня взглянула сначала на свою щиколотку: там вспухал длинный красный след; потом — на колесо сбоку под столешницей. Кожаный ремень, связывающий весь механизм, лопнув, выскочил из колеи и теперь уныло свисал с обода.

— Ремень слетел? — Лидочка тут как тут, тоже сунулась. — Что-то у тебя сегодня не ладится дело.

— И не говори. — Аня усмехнулась, потирая ожог. — Это все жара.

— Ты просто когда строчишь, ногой дергаешь, я заметила, — заспорила Лидочка. — А нужно плавно нажимать. Контролируй это. У меня тоже раньше так было, потом ничего, привыкла.

— Володю позову, — сказала Аня. От Лидочкиных наставлений ужаленная ремнем нога зачесалась еще сильнее.

— А сегодня разве его смена? — удивилась Лидочка. — Ну, тебе видней.

Она сказала это таким голосом и посмотрела так многозначительно, что Аню обдало жаром — десять кожаных ремней хлестнули по телу, сотня гладильщиц разом поддали пару. Аня вскочила и стала расправлять на коленях халат, отвернувшись от Лидочки.

О том, что Володька вьется за новенькой швеей, знали все и болтали тоже все. Аня ловила отзвуки этой болтовни то в столовой за углом, куда фабричные ходили обедать, то в самом цеху. Болтушки прятались за шумом, но редко обращали внимание на саму Аню, даже когда она проходила совсем близко. Но о том, что Аня тоже думает о Володе, помнит его расписание, мечтает о нем короткими и душными белыми ночами, не говорил никто — до этого дня.

— Не ходи, не ходи. — Лидочка потянула Аню за подол, усадила обратно на стул. — Я покричу.

Она набрала воздуха в свою широкую грудь и затянула:

— Зи-и-ин! А Зи-и-ин! А покличь нам Володьку! Володьку, говорю, позови!

Кричать Лидочка любила. С ее крепким густым голосом она могла работать на рынке или на стройке — даже командовать армией, если бы ей дали. Или хоть петь в рабоче-крестьянском хоре. А может, она и пела — Аня никогда не задумывалась, чем занимается ее соседка, когда выходит за ворота фабрики.

Лидочка докричалась до Зины, Зина, маленькая, юркая гладильщица из первой бригады, мигом вспорхнула со своего места и, объявив перекур, растворилась в клубах уютного пара. Следом за ней с чуть виноватым видом потянулось еще несколько девушек и женщин. Довольная собой, Лидочка уселась за машинку и вновь застрекотала. Она всегда знала, кого именно следует просить об услуге, чтобы услужили в ответ, как говорить с высоким начальством, а как — с бригадиршей. Хваткая и активная, Лидочка идеально вписывалась в рабочий коллектив.

Аня всего этого не умела. Она вообще старалась все делать сама, никого не беспокоить. Не отвечать. Ах, как бы ей хотелось работать вагонновожатой! Сидишь в отдельной кабине, ведешь по рельсам трамвай, будто корабль по реке, звенишь в звонок, следишь, чтобы мальчишки не катались за просто так на подножке, — вот и вся нехитрая наука. У Пекки хорошо получалось водить трамваи.

Аня уже почти всерьез настроилась пойти на курсы вагонновожатых и поменять работу, даже представила, как, встречаясь на рейсах, они с Пеккой будут звенеть друг другу и махать руками. Но тут в цех вошел Володя — в рубашке с закатанными до локтей рукавами и кепке набекрень. Увидев, как он уверенно шагает к ней, Аня судорожно наклонилась, заглянула под машинку — проверить, как там ремень, не починился ли сам собой.

Ремень висел. Шиколотка слегка посинела и болела, если дотронуться.

— Здравствуйте, товарищ швея. — Володя грохнул ящиком с инструментами. Его тон был серьезен, а глаза смеялись. — Что у нас сегодня?

Аня неловко вылезла из-под стола, уступая Володе место. Встав за его спиной, она старалась смотреть только на его

руки, ловкие и умелые, покрытые тонкими темными волосками. Руки поймали кожаный ремень и стали вытягивать его из механизма.

— Слетел вот... — пробормотала она, чувствуя на себе взгляд Лидочки и, еще сильнее смутившись, зачем-то добавила: — Я не специально.

Володя хохотнул:

— Да уж надеюсь! И как это у тебя так получается, Анют? Вот же только чинил...

Аня пожалала плечами и прикусила губу, чтобы тоже не рассмеяться. Два дня назад ее попросили помочь с костюмной тканью, но игла застряла в толстом полотне: оказалось, прежде чем заводить новую ткань под иглу, нужно перенастраивать строчку. Володя тогда быстро все поменял, а вечером они пошли в сад, где ели один большой рожок миояновского мороженого на двоих и говорили обо всем подряд. Это был их маленький ритуал — еще с мая, когда Володя впервые позвал Аню на прогулку.

Не отрываясь от своих призрачных покрывал, Лидочка усмехнулась:

— Действительно, колдовство какое-то.

— В Советском Союзе колдовству не место, — отозвался Володя. Он поднял повыше ремень. — Вот, глядите: лопнул и соскочил. Ничего, сейчас исправим. Анютка, не переживай только! Расходный материал эти ремни.

— Да я и не... Просто испугалась.

Аня мотнула головой, прогоняя накотившее вдруг оцепенение. Но слова Лидочки, игривые, насмешливые, застряли в голове и зазвучали уже другим голосом — старческим, с пришепетыванием. На другом языке зазвучали — ее родном, почти забытом вместе с оставленным в зимнем волчьем лесу детством.

*Халтиатуи, халтиатуи...*¹

— Ну все, — объявил Володя, приподнимаясь на одно колено, — принимай работу.

Надвинув косынку на лоб, Аня села за машинку, привычно поставила ногу на педаль, качнула. Стрекот зашекотал уши, утешая Аню, успокаивая. Шекотно стало и ноге. Аня взглянула вниз: неспешно собирая инструменты одной рукой, другой Володя касался ее синяка на щиколотке. На миг их взгляды встретились, и в глазах Володи вдруг мелькнуло нечто темное, отчего Аня, вспыхнув, отстранилась, отдернула ногу. Захлебнувшись, встала и машинка.

За два с лишним месяца Аня узнала о Володе практически все: и про большую семью, без которой он себя не мыслил, и про отца-механика, который его устроил на фабрику, и про всякое смешное, что с ним приключалось в жизни. О себе Аня не особо говорила, да он и не спрашивал. Володя любил угадывать. Угадал, например, что она с севера, и Аня призналась: «Да, из Карелии». Про мечты только ни разу не угадал, но Аня не хотела его обидеть.

А пару дней назад, доедая мороженое, он сделал ей предложение.

— Говорю же, контролируй себя, — вострубила Лидочка, — а то ремней на тебя не напасешься.

Володя поднялся с колена, быстрым бисерным почерком вписал в свой бланк номер Аниной машины — «397ШМ». Сказал:

— Ну что ж, до свидания, — и, кивнув Лидочке, пошел к выходу.

Только теперь Аня поняла, какая тишина стояла в цехе, пока Володя чинил ее машинку. Затаив дыхание, будто боялись вспугнуть, девочки — швеи, закройщицы, гладиль-

¹ Одержимая, ведьма (карел.).

щицы — проводили его долгим взглядом. Когда Володя скрылся за дверью, кто-то даже вздохнул. Лидочка от этого вздоха хохотнула, и тогда все дружно рассмеялись.

— Пойдешь в столовую с нами? — спросила Аню. Она спрашивала это каждую смену — из вежливости, конечно.

Аня помотала головой:

— У меня все с собой.

— Индивидуалистка, — хмыкнула Лидочка. — Знаешь главный женский лозунг? Долой кухонное рабство!

Она говорила это вроде без злобы, даже с улыбкой, но нехорошее предчувствие, которое появилось у Ани насчет нее и ее комсомольской совести, только усилилось. Как бы не уволили за недостаточно коллективистский дух.

Как только на фабрике задребезжал медный молоточек звонка, девочки смешливыми стайками прыснули из цеха. Аня же сперва дострочила шов, аккуратно закрыла его, затем отнесла готовое изделие на глажку. Только после этого переделалась из рабочего халата в свое желтое платье. Подхватив сверток с нехитрым обедом — хлеб, огурцы, вареное яйцо, — она прошагала коридором, прохладным и нарядным от небесно-голубых и лимонных стеклоблоков, и потянула тугой рычаг. С утробным гудом ожил механизм, привел в движение тросы и поршни, и вскоре резные, царские еще двери из мореного дуба, инженерной мыслью поставленные на полозья, разошлись в стороны. Аня ступила внутрь застекленной со всех сторон трубы на платформу, и лифт понес ее вниз.

Секунды, которые она проводила в этом лифте, были едва ли не самой главной ценностью тяжелых рабочих смен. Фабрика находилась в самом центре Ленинграда, напротив Казанского собора, и с высоты открывался вид на весь центр города. Вдали серебрилась Нева и горел золотой шпиль Петропавловской; тут же полыхали нарядные, словно са-

харные, головы храма, над которыми резал знойное небо биплан; на вычурную шишечку купола дома Зингера опускался парной жар. Крыши и шпили сменились людной и шумной улицей — Аня выпорхнула из лифта и прибавила шагу.

Сразу после революции с домом Зингера вышла какая-то сложная история, из-за которой он больше не был связан со швейными машинками, но подробностей Аня не знала. Теперь внутри на нескольких этажах обитали издательства, что тоже было неплохо. По утрам мальчишки разбегались от дома Зингера во все концы города, у каждого на плече — пухлая сумка со свежей прессой. В скорости они уступали разве что ребятам на высоких хромированных велосипедах, которые каждое утро с веселым звоном мчались по своим делам.

Аня прошла гранитной набережной канала к проспекту, лавируя среди мужчин в льняных брюках и с портфелями под мышкой, мамочек, толкавших перед собой плетеные высокие коляски, старушек с дворянской осанкой. У дороги остановилась: регулировщик подгонял автомобили — блестящие, крутобокие, с круглыми глазами-фарами и хищным оскалом радиаторов. Аня не любила автомобили: от них жутко воняло. Почти как от заводов — тех, что у верфей. Иногда ветер приносил этот запах в их с Пеккой коммуналку, и они вешали на окно мокрую тряпку, чтобы как-то спастись.

Пекка работал на «чистом» транспорте — трамвай, двадцать первый маршрут. Он останавливался неподалеку от Летнего сада ровно через пятнадцать минут — если, конечно, ее наручные часики не ввали. Аня сверила их с уличными: гигантская и резная, похожая на перо минутная стрелка уверяла, что у Ани в запасе целых семнадцать минут.

Регулировщик подал сигнал пешеходам, и Аня уже хотела было идти, когда услышала оклик:

— Анют!

Она обернулась, чувствуя, как мягко ведет колени, как уши под волосами вспыхивают, а в животе будто печет. Ее догонял Володя. Рубашка у него на спине надувалась парусом, из-под кепки выбивался вихор. Аня замерла, глядя на то, как хорошо он бежит. Она не могла сдвинуться с места, завороженная этим зрелищем. Володя немного напоминал ей друга детства — тот тоже отлично бежал, и не просто по мостовой, а на лыжах, по искристому хрусткому снегу.

— Анют. — Володя остановился, чуть не налетев на нее. Аня отступила к стене, чтобы не мешать прохожим, Володя — за ней. Он навис, заслоняя ее от палящего солнца. — Ты куда, в столовую? Провожу?

— Нет, я к брату, сегодня обедаю с ним.

— Так это еще лучше! — Володя подмигнул и, крутнув-шись на каблуках, предложил ей свой локоть. Аня медлила, и тогда он сам взял ее под руку. — Давай я с тобой. Заодно познакомимся наконец-то, с Петром-то.

— Володь...

Они перешли дорогу, будто молодая супружеская пара, и никто, казалось, не обращал на них внимания. Проспект, оживленный скоротечным северным летом, бурлил и пенился: толпа текла по бульвару в обе стороны, закручиваясь в воронки у ларьков с прохладительным и у «Союзпечати». За их спинами, повинуясь указке постового, взревели автомобили, запокали, красуясь, кавалеристские лошади, каурые и в яблоко.

— Ань, ты же знаешь, у меня серьезные намерения. Все, как ты мечтаешь: семья, детишки...

Володя широко шагал, широко улыбался — и мыслил тоже широко. Рассуждая, он помогал себе свободной рукой,